
Собрание сочинений в шести томах. Т. 1. М., "Терра", 1992.
OCR Бычков М.Н.

Трагическая судьба поэтов пушкинского времени общеизвестна. Пушкина убили. Лермонтова убили. Веневитинов сторел от скоротечной чахотки, полученной им во время допросов в 3-м отделении. Странная и неожиданная смерть Дельвига прямо связывается современниками с именем жандарма Бенкендорфа. Полежаев, разжалованный в солдаты, был приговорен к "протнанию сквозь строй" и умер в полковом госпитале. Декабрист Марлинский погиб от пули на Кавказе, куда он был послан царем "для выслуги". Кюхельбекера стгноили в Сибири...

Среди этого синодика задушенных, подведенных под пули, вогнанных в чахотку поэт Батюшков стоит как бы особняком. Он родился 29 мая (н.ст.) 1787 года, а умер в июне 1855, прожив 68 лет. Однако, если раскрыть эти календарные даты, смерть поэта придется отнести к самому началу двадцатых годов. Именно в 1821 году Батюшков пишет из Италии следующие полные горечи строчки:

"Оставляю поле словесности не без признательности к тем соотечественникам, кои... удостоили одобрить мои слабые начинания. Обещаю даже не читать критики... ибо я совершенно и, вероятно, навсегда покинул перо автора."

С этого года, точно выполняя свое обещание, поэт пропадает не только из литературы, но даже из жизни. Следующие 34 года, проведенные им в различных психиатрических лечебницах Европы от Зонненигтейна, (Саксония) до Петербурга - пустое место в его творчестве.

"Мы все рождены под каким-то бедственным созвездием, - писал Вяземский А.И. Тургеневу, узнав о болезни поэта, - черт знает как живем, к чему живем..."

Черт знает как живем, к чему живем! - в этом была трагедия не только одного Батюшкова. Как похоже это трагическое восклицание на скорбные слова Пушкина: "И дернул меня черт родиться в России с умом и талантом!"

В чем сила яркого дарования Батюшкова?

"Стих его не только слышим уху, но видим глазу: хочется ощущать извивы и складки его мраморной драпировки," - пишет Белинский, подводя итоги творчества поэта и в этом восторженном отзыве заключается бесспорное право Батюшкова на внимание современности.

В пышную, торжественную, но тяжелую, неуклюжую поэзию первого десятилетия XIX века Батюшков входит как смелый новатор, как яростный поборник тщательной работы над словом. Он не просто пишет стих, он отшлифовывает его как кусок мрамора. Хорошо знакомый с итальянским языком, он смело берется за труднейшую и, как тогда считали, невыполнимую задачу - перенести в русский стих, привыкший к неуклюжему величию державинских од, мелодичность и выразительность итальянского языка.

Батюшков не только оттачивал свой стих так, что тот лился как мелодия флейты, но заставлял русский язык, привыкший к славянизмам и варварским усечениям, звучать всей причудливой гаммой итальянской речи.

- "Звуки итальянские, что за чудотворец этот Батюшков!" - восторженно писал Пушкин на полях одного из его стихотворений. И со стороны мелодики стиха, выпуклости образов у Батюшкова, действительно, нет соперников в поэзии пушкинского периода, кроме самого Пушкина.

Пушкин шел за Батюшковым и по следам Батюшкова. Он почти полностью проделал весь путь его творческого развития, но для этого ему понадобилась не целая жизнь, как Батюшкову, а всего 3-4 года. Все стихотворения Пушкина, относящиеся к так называемому лицейскому периоду (1814-1818), связаны с именем Батюшкова. Батюшков не был великим поэтом, но взволнованное дыхание его стиха с гениальной силой зазвучало именно в мощных ямбах Пушкина. После Батюшкова приход Пушкина был уже исторически подготовлен.

До какой музыкальности доходит в своих стихах Батюшков, видно из следующего стихотворения, которое А. Майков ошибочно приписывал Пушкину:

О, память сердца! Ты сильнее
Рассудка памяти печальной
И часто сладостью своей